

Маркевич Болеслав Михайлович

Бездна. Правдивая история

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Бездна. Правдивая история: Часть 3 / Маркевич Болеслав Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 306 с.

ISBN 978-5-519-95429-7

ISBN 978-5-519-95429-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

C'est moins l'amitié qui assemble les gens d'aujourd'hui que la sympathie des haines communes.

G. Droz.

I.

...Car les destins et les flots sont changeants.

Béranger.

Часу въ одиннадцатомъ утра, свѣтлымъ, теплымъ днемъ, въ половинѣ мая, старая, дребезжавшая, очевидно извошпичья коляска вкатилась подъ въѣздныя ворота давно знакомаго нашему читателю Сицкаго *. Все тотъ же грубо отесанный левъ разѣвлялъ надъ ними свою каменную пасть, но на позолоченной мѣдной доскѣ на которую олирались его лалы, вмѣсто бывшаго историческаго герба князей Шастуновыхъ, красовались теперь двѣ вычурно перелетенныя главныя буквы имени теперешняго его владѣльца: П. и С. За то прежняя чугунная *дрекольетъ* рѣшетка замѣнена была новою, не отличавшеюся особеннымъ вкусомъ, но блестящею такою же позолотой по изгибамъ и выуклостямъ фантастическаго своего рисунка. Выступавшій за нею массивный домъ, съ его широкимъ, опиравшимся на тяжелыя колонны балкономъ и висячими галлереями, соединявшими его съ длинными параллелограммами стоявшихъ о бокъ его флигелей,

* См. *Четверть Вѣка Назадъ*. Глава II.

блестѣли подъ солнцемъ, словно только-что вымытые, въ своей свѣжей съ глянцевитымъ отливомъ свѣтло-сѣрой краскѣ. Прежніе каменные сплошные ларалеты галлерей замѣнены были рѣшетками одного рисунка съ рѣшеткой льва, и надъ каждымъ изъ пересѣкавшихъ ихъ поставовъ сѣроватаго мрамора возносилась высѣченная изъ такого же мрамора ваза полная цвѣтовъ. Ярко горѣвшій невысокій куполъ съ крепостомъ видѣлся на правомъ флигелѣ, на церковь которую устроила покойная княгиня Аглая Константиновна Шастунова въ память дочери, на мѣстѣ той самой залы бывшего театра гдѣ нѣкогда княжна Лина, въ образѣ Офеліи, промелькнула на мигъ ладучею звѣздой... Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ стремился очевидно обратить мѣсто своего жительства въ нѣкую царскую резиденцію.

Но этотъ возобновленный видъ старой барской усадьбы вызвалъ далеко не отвѣчавшее ожиданіямъ ея новаго владѣльца впечатлѣніе на молодую, замѣчательно красивую барыню въ щегольскомъ *costume de voyage*, съ опущенною до рта синею вуалеткой и въ маленькой круглой шляпѣ, сидѣвшую въ коляскѣ рядомъ со скромною, но тоже не безъ извѣстнаго щегольства одѣтою дѣвочкой лѣтъ шестнадцати, горничною своею. Барыня возвращалась изъ Италіи, и на глаза ея, пріобыкшіе къ чудесамъ тамошняго искусства, все это золото и глянецъ отзывались крайнею безвкусицей.

— Купецъ такъ и видень! презрительно уронила она сквозь зубы.

Слутница ея, будто очень обрадованная, одобрительно закивала головой и засмѣялась нѣмымъ смѣхомъ, широко раскрывая свои алые губы.

Коляска между тѣмъ, обогнувъ большую раскинутую посередь двора клумбу, усаженную сплошь кустами высаженныхъ изъ оранжереи розъ въ цвѣту, подкатила на двухъ тощихъ извожичьихъ клячахъ къ подъѣзду дома.

•

На грохотъ ея выбѣжалъ изъ-за большихъ стеклянныхъ дверей, ведшихъ въ сѣни, молодой парень, остриженный въ скобку, въ безукоризненно чистой бѣлой рубахѣ, подпоясанной краснымъ снуркомъ надъ пестрядевыми ланталашками всунутыми въ салопи.

— Европейскія претензіи—и прислуга изъ трактира! произнесла какъ бы про себя оля, но совершенно громко прѣзжая дама, насмѣшливо окидывая его чуть-чуть прижмурившимися глазами.—Провѣ Ефремовичъ дома? спросила она.

— Въ полѣ, съ часъ времени будетъ, выѣхали... А вамъ что требуется, сударыня?

— *Требуется* прежде всего чтобы ты зналъ что надо высаживать дамъ когда онѣ дѣлаютъ честь прѣзжать къ твоему господину, отрѣзала она ему въ отвѣтъ, приподымаясь въ коляскѣ,—не учили тебя, видно, этому?

Оторопѣлый малый бросился, вскинувъ руки вверхъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подхватить ее подъ мышки.

Но она быстрымъ скачкомъ выпрыгнула сама мимо этихъ рукъ на гладкія плиты широкой площадки подъѣзда.

Горничная ея, также быстро соскочивъ съ другой стороны, подбѣжала къ ней, глядя лукаво смѣющимися глазами на оторопѣвшую фигуру парня въ бѣлой рубахѣ.

— Когда жъ онъ прѣдетъ *изъ полей*? подчеркнула барыня.

— Это вы, то и съ, насчетъ хозяина спрашиваете? Такъ этого я не могу знать, проговорилъ онъ, встряхиваясь,—потому они какъ случится, иной разъ къ обѣду, а то и...

Она нетерпѣливо перебила его:

— Да что у васъ никого толковѣе тебя нѣтъ въ домѣ?

— Никандра Панкратъичъ, клюшникъ, у насъ есть, окромя другихъ прочихъ, торопливо отвѣтилъ онъ;—а какъ если милость ваша прикажете, такъ я могу къ Евгенею Владиміровичу сею минутой *избѣжать*.

— Евгений Владиміровичъ? повторила она,—это господинъ Зяблинъ, то-есть... Онъ еще живъ?

И она чуть чуть усмѣхнулась.

— Въ полномъ здоровіи находятся, видимо уже ободренный отвѣтилъ ларень, проводя верхомъ руки по губамъ съ тѣмъ чтобы прикрыть слагавшуюся на нихъ такую же улыбку.— Да вотъ-съ они и сами идутъ, примолвилъ онъ уже шепоткомъ, кивая въ сторону одного изъ флигелей на выходившаго оттуда, еще моложавого издали глядя, но видимо тяжело опирававшегося на твердую бамбуковую трость господина въ изящно скроенномъ лѣтнемъ костюмѣ перловаго цвѣта, легкомъ голубенькомъ галстучкѣ и широкополой панамѣ, защищавшей отъ лучей солнца его примигивавшіе глаза и коротко остриженную голову.

Это былъ Зяблинъ, нашъ старый другъ Зяблинъ, разочарованный „бригантъ“ пятидесятихъ годовъ, безподобный „Eugène“ бывшей владѣлицы Сидкаго,—попрежнему изящный, все такъ же строго послушный послѣдней модной картинкѣ и нынѣ, несмотря на подагру, катарръ желудка и прочія невзгоды его семидесятилѣтняго возраста.

Изъ оконъ помѣщенія занимаемаго имъ въ этомъ флигелѣ онъ увидѣлъ пріѣзжую, узналъ ее и слѣдилъ теперь къ ней,—слѣдилъ, несказанно изумленный и озадаченный этимъ ея пріѣздомъ, не зная чѣмъ будетъ отвѣчать на чаемые имъ „неизбѣжные“ съ ея стороны вопросы, но чувствуя присущимъ ему чутьемъ благовоспитаннаго *по старому* человека что „нельзя же такъ оставить даму на подъѣздѣ“...

— Madame... какой неожиданный сюрпризъ! залелеталъ онъ, скидывая съ головы еще по пути шляпу и слабо шаркая плохо уже повиновавшимися ему ногами.

— Здравствуйте, monsieur Зяблинъ!... Вы, кажется, удивляетесь что я пріѣхала? нѣсколько высокомернымъ тономъ спросила она тутъ же.

Зяблинъ мгновенно оробѣлъ:

— Помилуйте, я напротивъ, могу сказать, tout à fait enchanté, madame... Но вы такъ нечаянно, не предваривъ... Мы съ Провомъ Ефремовичемъ никакъ не ожидали...

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Вы съ нимъ думали, можетъ-быть, что я навсегда сбѣжала?

Старый „бригантъ“ окончательно растерялся.

— Mon Dieu, madame, можете ли вы полагать!... вскрикнулъ онъ, шаркая опять и прижимая руку къ сердцу.

— Что же я однако стою здѣсь! перебила она дальнѣйшее изліяніе его протеста:—мои комнаты внизу, надѣюсь, никѣмъ не заняты?

— Никѣмъ, помилуйте... Мы здѣсь въ домѣ одни съ Провомъ Ефремовичемъ... Вы желаете тамъ... остановиться? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ уже, тотчасъ же и подмѣченнымъ ею, колебаніемъ.

Брови красивой барыни сдвинулись мгновеннымъ и гнѣвнымъ движеніемъ:

— А гдѣ же по вашему можетъ „остановиться“ *хозяйка*, вѣско подчеркнула она,—какъ не въ своемъ покоѣ?

— Mais certainement, madame, certainement, весь изогнулся онъ любезнымъ поклономъ, разсудивъ мысленно совершенно правильно что пока другъ его Провъ Ефремовичъ „не разсудитъ иначе“, онъ, Зяблинъ, не въ правѣ видѣть въ его женѣ „другое чтò какъ именно *хозяйку*“. Онъ притомъ же „un gentilhomme“, а она—дама, слѣдовательно...

— Я на тотъ предметъ только говорю, послѣшилъ онъ заявить,—что будетъ ли вамъ тамъ покойно... Вы насъ не предварили, и вашъ appartement, какъ я полагаю, находится въ совершенно неприбранномъ видѣ, залептъ наглухо, какъ изволите видѣть,—и онъ указалъ старчески дрожавшею уже рукой на длинный рядъ оконъ нижняго этажа по лѣвой сторонѣ крыльца, наглухо дѣйствительно закрытыхъ внутренними ставнями,—съ вашего отъѣзда за границу въ такомъ видѣ... не открывали. Провѣтрить, полагаю, прежде всего надо...

— Такъ распорядитесь, я устала!

Зяблина видимо покорило отъ этого тона. Онъ приса-
нулся, взглянулъ на нее какъ бы съ удивленіемъ и, обраща-
ясь къ малому въ бѣлой рубахѣ, стоявшему все такъ же съ
недоумѣлымъ видомъ на крыльцѣ въ нѣсколькихъ шагахъ
отъ нихъ:

— Сбѣгай скорѣе, любезный, проговорилъ онъ съ достоин-
ствомъ,—за Никандромъ Панкратьевичемъ, скажи что су-
пруга Прова Ефремовича изволила пріѣхать и желаетъ...

Но въ то же время, выходя изъ сѣней, появился самъ Ни-
кандръ, высокій и здоровый, со свѣжимъ и серіознымъ ли-
цомъ, человѣкъ лѣтъ сорока съ чѣмъ-то, въ такой же русской
рубахѣ на *выпускѣ* и высокихъ сапогахъ, подпоясанный уты-
каннымъ мѣдными головками ремнемъ, къ которому, соот-
вѣтственно занимаемой имъ въ домѣ должности, подвѣшена
была цѣлая связка ключей.

— Супруга Прова Ефремовича, повторилъ отчеканивая
Зяблинъ,—желаютъ занять свои комнаты.

Ключникъ съ величавою почтительностью повелъ головой
внизъ и проговорилъ спокойно:

— Пожалуйте, сударыня!...

— Dites moi, je vous prie qu'est-ce que tous ces половые
que je trouve ici? спросила досадливо Антонина Дмитриевна
взглянувъ на старца, пріятеля ея супруга.

„Бригантъ“ опустилъ глаза въ землю и чуть-чуть шевель-
нулъ плечами: „половые“ самому ему претили давно; „эти во-
лоса въ скобку, смазные голенища, косые ворота въ этомъ
старомъ княземъ гнѣздѣ,—профанація!“... говорилъ онъ себѣ
мысленно не разъ.

— Пожалуйте! повторилъ ключникъ, отворяя во всю ши-
рину стеклянную дверь въ сѣни.

Варя (читатель, надѣмся, узналъ въ горничной гжи Су-
сальцевой нѣмую дѣвочку съ которою онъ имѣлъ случай
встрѣтиться въ началѣ нашего разказа) притронулась слегка
пальцами къ рукѣ своей госпожи, глядя ей въ глаза и без-
звучно шевеля губами.

Антонина Дмитриевна поняла.

— Съ нами одинъ чемоданъ, сказала она ключнику;—ведите его внести ко мнѣ, а за сундуками пошлите сейчасъ подводу на станцію, чтобъ они непременно были здѣсь къ вечеру.

Варя, быстро прижавъ два пальца лѣвой руки, подняла вверхъ три остальные вмѣстѣ съ пятью пальцами правой.

— Восемь мѣстъ всего, объяснила барыня, между тѣмъ какъ нѣмая проворно вытаскивала изъ кармана портмоне, а изъ него багажный билетъ и передавала его Никандру.

— Слушаю, пошлемъ-съ, промолвилъ тотъ съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ;—пожалуйте!

Подный *аппартаментъ* въ нижнемъ этажѣ, состоявшій изъ пяти комнатъ,—большой гостиной, кабинета, будуара, спальни, туалетной съ мраморною ванной и комнаты для горничной,—уготованный Провомъ Ефремовичемъ для молодой супруги и въ которомъ пробыла она лишь нѣсколько дней предъ вѣнчаніемъ и отъѣздомъ своимъ за границу, оставался на глухо запертымъ съ самой минуты этого отъѣзда. Раза два лишь въ годъ рачительный ключникъ входилъ въ него съ однимъ изъ *молодцовъ* состоявшихъ слугами въ домѣ и приказывалъ выколотить мебель и смести пыль съ пола, чехловъ и холста прикрывавшаго обитыя шелкомъ и дорогимъ французскимъ кретономъ стѣны гостиной и будуара,—выбирая всегда для этого время когда „хозяинъ“ уѣзжалъ изъ Сидкаго. Самъ Провъ Ефремовичъ, проходя большими стѣнами мимо наружныхъ, запертыхъ и укрѣпленныхъ теперь широкимъ поперечнымъ желѣзнымъ болтомъ съ большимъ висячимъ на немъ замкомъ дверей, какъ-то невольно каждый разъ отворачивался и морщился....

— Чтò же это, изъ моихъ комнатъ кладовую сдѣлали? сердито вскрикнула Антонина Дмитриевна, остановившись предъ этими незнакомыми ей еще, обитыми крутыми головками гвоздѣй, дверями.

— На всякъ случай, сударыня, объяснилъ своимъ спокойнымъ тономъ Никандръ, выбирая ключъ изъ своей связки и поднося его къ замку,—потому какъ у насъ во всемъ нижнемъ этажѣ никто не помѣщается...

Двери съ визгомъ заржавѣвшихъ петель и лязгомъ желѣза о желѣзо отворились настежь.

На прѣвзжихъ пахнуло какъ изъ погреба сырымъ и затхлымъ запахомъ... Антонина Дмитриевна брезгливо откинула голову назадъ. Бѣдучи сюда она готовилась „пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ“, но этого перваго, *физическаго* впечатлѣнія она не ожидала—и оно показалось ей какъ-то особенно тяжелымъ.

Ключникъ спѣшилъ между тѣмъ отворять оконныя ставни.

— Да и окна скорѣе, воскликнула она,—тутъ задохнуться можно!...

Теплый воздухъ и солнечный свѣтъ ворвались разомъ, словно торжествующее войско на валъ непріятельской крѣпости, въ глубокой до этой минуты мракъ просторной комнаты.

Хозяйка ея какъ бы въ изнеможеніи олустилась на стоявшее посреди гостиной рѣтѣ, обводя унылымъ взоромъ кругомъ.

Стѣны, мебель, золотыя рамы блестящихъ зеркалъ, художественныя очертанія *булевыхъ* шкафиковъ и столовъ съ флорентійскою мозаикой, все исчезало подъ однообразнымъ, „мертвящимъ“, казалось ей, покровомъ желтовато сѣраго холода и грубой кисеи; съ консолей и этажерокъ убраны были знакомыя и любезныя ей груды фарфора и бронзы; полъ безъ ковра рѣзалъ глаза неприглядностью кое-гдѣ разщелившихся досокъ своихъ... Чѣмъ-то мертвящимъ, дѣйствительно, вѣяло отъ этого залуствія. „Я его не предварила, конечно“, проносилось въ головѣ молодой женщины; „но тогда онъ, можетъ-быть, уѣхалъ бы нарочно чтобы не встрѣтиться со мною, а теперь je suis maîtresse de la place,“ сказала она себѣ тутъ же, и что-то въ родѣ усмѣшки пробѣжало на мигъ по ея озабоченному лицу.

Зяблинъ, войдя вслѣдъ за нею въ комнаты, стоялъ съ па-
намою своею и палкой въ рукѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ
нея и слегка покачивалъ головою, какъ бы угадывая ея ощу-
щенія и слагая съ себя и съ пріятеля своего отвѣтствен-
ность за нихъ: мы молъ вѣдь, вы понимаете, не могли свя-
тымъ духомъ знать что вамъ вздумается пріѣхать.

Варя тѣмъ временемъ успѣла скользнуть въ слѣдующія за
гостиной комнаты и возвратиться оттуда. Подбѣжавъ къ ба-
рынѣ, она, съ видимымъ неудовольствіемъ въ чертахъ, быстро
зашевелила губами и пальцами.

— У меня въ туалетной воды нѣтъ въ кранахъ, обрати-
лась съ новою досадою Сусальцева къ ключнику.

— Накачаемъ сейчасъ, коротко отрѣзалъ онъ, проходя да-
лѣе въ будуаръ открывать ставни и окна.

— Да велите скорѣе внести мой чемоданъ, я переодѣться
хочу... Будьте такъ добры, обратилась она по-французски къ
Зяблину,—когда мужъ мой вернется, велѣтъ мнѣ доложить
объ этомъ чрезъ мою горничную.

— Приказаніе ваше будетъ, сударыня, исполнено, отвѣтилъ
„бригантъ“, галантерейно склоняя свою подкрашенную въ
цвѣтъ воронова крыла голову.

— Да нельзя ли пока хотя въ моемъ будуарѣ снять эти
противные чахлы; я не привыкла сидѣть на этой гадости.

— Сымемъ-съ, отозвался на это изъ-за дверей будуара
Никандръ.

Антонина Дмитріевна, въ сопровожденіи Вари, прошла въ
туалетную. Зяблинъ вышелъ на крыльцо, надвинулъ шляпу
на самыя брови и, усѣвшись въ одно изъ стоявшихъ тутъ
желѣзныхъ креселъ, уложилъ подбородокъ на сложенные надъ
набалдашникомъ палки руки и вперилъ по направленію *льва*
свои примигивавшіе отъ слабости глаза, въ тревожномъ ожи-
даніи возвращенія своего пріятеля. „Лишь бы только бата-
ліи какой не произошло“, думалъ онъ, „человѣкъ онъ хоро-
шій конечно, только все же за это мужичье отвѣчать нельзя....“

II.

Титъ Титычъ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой!... Да что это за времена пришли! Нѣтъ, стой!... Настасья, смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна.

Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякого обидите.

Титъ Титычъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу.

Островскій. *Въ чужомъ пиру помянуть.*

Прошло часа полтора. Старый „бригантъ“, сладко пригрѣтый весеннимъ солнцемъ, опустивъ голову на грудь и выпустивъ лалку изъ рукъ, начиналъ подремывать на своемъ желѣзномъ сѣдалищѣ, когда грохотъ знакомаго ему экипажа по каменной настилкѣ *льва* вырвалъ его внезапно изъ тѣсно уже начинавшихъ обнимать его объятій сна. Онъ встрепенулся, усиленно приподнялъ вѣки, устремляя зрачки впередъ...

Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ, огибая клумбу, катилъ къ крыльцу на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ доброю, сытою лѣгашкой, лоснившюся отъ пота. Хозяинъ ея, подъ стать ей, держа вожжи одною рукой, вытиралъ другою большимъ фуляромъ свое влажное, точно послѣ бани, и загорѣлое до цвѣта мѣди лицо.